

Ник. Шпанов

ПЕРВЫЙ УДАР

Москва
RUGRAM
Издатель Иванов В.Ю.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)
Ш83

Шпанов, Н.

Ш83 Первый удар / Н. Шпанов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 336 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-92841-5

Польская территория оккупирована фашистской Германией. Советский Союз ожидает вторжения захватчиков. Фашисты первыми начинают военные действия против СССР, предпринимая массированный авианалёт. Наша страна готовит контрудар, цель которого – глубокий тыл. Именно выполнение этого задания и является основным стержнем повести «Первый удар», созданной Николаем Шпановым в жанре альтернативной истории.

В сборник включены повести из цикла «Похождения Нила Кручина». Следователи Нил Кручинин и Сурен Грачик не просто сражаются со злом, они борются до последнего злодея.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92841-5

© RUGRAM, 2022
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2022

ПЕРВЫЙ УДАР

Повесть о будущей войне

«...есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми войнами — это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения».

В.И. Ленин (т. XXIII, стр. 190)

Люди

Сафар с опаской втиснул свое огромное тело в узкую дверь. Лицо его выражало страх: как бы неосторожным движением не разрушить легкий лагерьный барак. Капитан Косых мог по достоинству оценить эти старания, — он знал, какие великолепные мускулы скрыты под гимнастеркой Сафара.

Сафар — командир комсомольского экипажа. Трудно поверить, что этому серьезному, твердому командиру, здоровяку с мохнатыми бровями, всего двадцать два года. Всякий, кто знает, как он выводил на первое место в соединении свой комсомольский экипаж, исполнен уважения к этому молодому большевику. Суровый командир, терпеливый учитель, подчас заботливая нянька, — он умеет работать, отдыхать, веселиться, быть грозой и первейшим другом своим товарищам по экипажу. Горячий и темпераментный в быту, спокойный и выдержанный на работе, Сафар не терпит одного: попыток доказать, что в воздухе может быть что-либо более полезное, чем хороший скоростной бомбардировщик дальнего действия.

Увидев подмышкой у Сафара пачку клеенчатых тетрадей и папку, Косых понял, что он пришел разрешить какое-то сомнение. В эти тетради Сафар терпеливо вписывал все, что заслуживало, с его точки зрения, обсуждения и продумывания: и непослушное алгебраическое уравнение, и спорный тезис доклада.

Действительно, Сафар сразу же заговорил громко и взволнованно:

— Ха, понимаешь, Сандро, — «бомбардировщик беззащитен»! Бомбардировщик — «верная жертва истребителя»! Как голубка в когтях коршуна! Ты понимаешь?

— Ничего не понимаю,

— Вчера на диспуте полковник Чернов читал отходную бомбардировщикам. Закопал, понимаешь!

— Жаль, что я поздно из города приехал.

— Ты бы ему холку расчесал.

— Не задумался бы.

— Таких, как Чернов, на месте опровергать надо. Его теорией демобилизуют молодежь: все равно, мол, уничтожат в первом же бою.

Сафар волновался не на шутку.

— Я достал стенограмму доклада. Гляди, до чего он договорился: «Помимо органического маневренно-скоростного превосходства, истребитель обладает и огнем преимуществом перед бомбардировщиком. Для ближних дистанций боя более эффективным будет огонь пулеметов, благодаря их скорострельности. А для дальней стрельбы нужна пушка. Трудно себе представить, чтобы бомбардировщик мог нести оба этих вида вооружения во всех огневых точках. Выбор позиции и наиболее выгодного оружия для каждого данного момента боя находится в руках истребителя. Все это дает возможность утверждать, что бомбардировщик в воздушном бою обречен в жертву истребителю». Вот как: обречен! — сукин сын...

В силу своей экспансивности Сафар уже начал терять равновесие. Косых сказал:

— Не горячись... А ну, прикинем... Я думаю, что современные скорости полета дали скоростному бомбардировщику известное преимущество перед истребителем. Ведь бомбардировщик не собирается нападать на истребителя. Атаковать хочет

истребитель, значит, и маневрировать должен он. Пусть истребитель на встречном курсе атакует бомбардировщика. И пусть бомбардировщик при этом изменит свой курс хотя бы на десять градусов. Истребитель сразу потеряет возможность воспользоваться прежней наводкой. При суммарной скорости встречного движения примерно в триста тридцать метров в секунду истребитель проскочит мимо бомбардировщика, не успев сделать ни одного выстрела. Он окажется далеко за ним и под ним. Он должен будет нагонять, прежде чем начать новую атаку.

Сафар поднял на приятеля горящие глаза:

— Чудно, Сандро. Будто я всего этого не знаю? А вот не сумел доказать... Но я научусь, обязательно научусь.

— Относись к спору спокойней, и возражения пойдут, найдешь их...

— Это верно, Сандро. Но не привык я к таким спокойным спорам. Если споришь, то... — Сафар тряхнул кулаком. — Ладно, научусь. Но это еще не все. Слушай дальше.

Сафар читал стенограмму. Косматые брови его сердито сходились, когда слова Чернова казались ему чересчур убедительными. С радостью слушал он неторопливые, логически неопровержимые возражения капитана Косых. Влюбленный в свой бомбардировщик, Сафар не был его слепым поклонником. Меньше всего он собирался отрицать высокую полезность истребителя. Но его возмущала академическая узость Чернова, такая чуждая взглядам, господствующим в советских военно-воздушных частях, где все основано на тесном взаимодействии всех видов авиации и полном понимании специфических задач каждого из них в общей конечной задаче: уничтожении врага.

Беседа шла хорошо. Разобрали все: факторы скорости, скороподъемности, потолка, радиуса действия. Установка Чернова на огневое преобладание истребителя вызвала отповедь Косых. По его мнению, Чернов смешивал понятия числа огневых точек и конечной огневой мощи истребителя. Между тем это не одно и то же. Чем больше пулеметов или пушек в машине, тем меньше зарядов можно дать каждой огневой единице. Истребитель нельзя перегружать. Давая в руки летчика-истребителя, если можно так выразиться, «много стволов», действительно делают

его огонь в единицу времени очень мощным, но зато сокращают время, на протяжении которого он может стрелять.

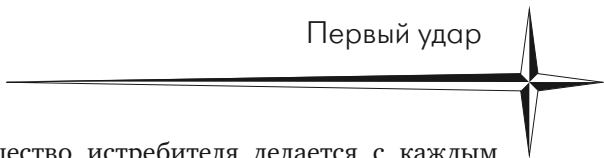
Скорость теряет свое явное превосходство. Перед летчиком-истребителем возникает целый ряд трудностей. На первый взгляд может показаться, что истребитель значительно лучше вооружен, чем во времена мировой войны. А так ли это? Пусть скорострельность пулеметов возросла с шестисот до тысячи двухсот и даже полутора тысяч выстрелов в минуту. Но ведь в те времена, подходя к атакуемому самолету со скоростью в двести — двести пятьдесят километров в час и начиная огонь с трехсот метров, летчик мог вести его до дистанции в сорок — пятьдесят метров, а отдельные смельчаки — «ассы» — подходили на пятнадцать — двадцать метров, не боясь столкновения. За это время они успевали выпустить из каждого пулемета полсотни патронов. У них было на это четыре-пять секунд. А теперь? Сблизившись на четырехста — пятьсот метров, то есть на мало-мальски благоприятную дистанцию огня, нужно выходить из атаки, иначе можно столкнуться с атакуемым противником. На пролет расстояния между шестью и четырьмястами метров у летчика-истребителя всего секунда. Пулемет едва начал работать, как нужно уже отпускать гашетку. Вылететь из ствола успело каких-нибудь двадцать пуль. И это при вдвое возросшей скорострельности!

По мере того как говорил Косых, лицо Сафара светлело. Улыбаясь, он выложил еще один довод вчерашнего докладчика:

— Берегись, последняя «бомба» Чернова: истребитель всегда будет иметь преимущество по высоте перед всяким иным типом самолета. Превосходство его потолка оставляет за ним инициативу в выборе времени и позиции боя.

Чтобы окончательно разогнать сомнения впечатлительного друга, Косых сказал:

— И это тоже неверно: кривые в графике высотности боевых машин с годами не расходятся, а сходятся. Разница в потолках делается относительно меньшей. Во времена империалистической войны потолок бомбардировщика был на пятьдесят процентов меньше потолка истребителя, а сегодня эта разница составляет уже всего двадцать пять процентов. Как видишь, даже

техническое преимущество истребителя делается с каждым днем все меньше. У нас любят говорить, будто боевая высота лимитируется мотором, но на самом деле задыхается не мотор, а человек. С плохим дыханием мотора, оказывается, легче бороться, чем с неспособностью человека работать на большой высоте.

— Это верно. Ведь совсем еще недавно, делая машину, которая лезла на четырнадцать тысяч метров, не давали себе труда подумать о том, чтобы летчику было в ней удобно работать. И не только у нас так было. Привезли как-то для ознакомления заграничный истребитель, я три раза в него влезть пробовал, так и не влез — дыра в кабине не пускает. Понимаешь?

— Ну это, братец, не критерий. Для тебя не дыру, а целый кратер нужно делать.

Сафар надулся, — Косых задел его большое место: размеры, вес, силу. К счастью, в этот момент постучали в дверь, и раздался голос:

— Косуля, не спишь? Новости...

Вошел майор Гроза.

— Новости, братцы, отменные новости! Германская печать снова обещает мир всему миру. Как вам нравится?

Сафар мрачно пробормотал:

— Это значит — спи одетый.

— Ты очень кстати, — сказал Косых Грозе. — Тут у нас дискуссия... Как истребитель ты лучше других можешь разрешить сомнения Сафара.

— Сафар... и сомнения? — рассмеялся Гроза. — Редкое зрелище!

— Доводы Чернова, будто вы, истребители, стали теперь безраздельными владыками воздуха, испортили ему настроение.

Гроза улыбнулся:

— А я малость подслушал спор. Право, — бубнят, как два буржуазных профессора: техника да техника; машина, оружие, скорость... А человека забыли?

Сафар несколько смутился:

— Ты не понимаешь, Гроза, мы же это для академической чистоты дискуссии...

— Академическая чистота!.. Схоластика, а не чистота. У нас теперь и дети знают, как техника работает в руках настоящих

людей. Разве в Испании республиканцы били немцев и итальянцев техникой? Люди били. Люди золотые...

— Республиканцев пять, а фашистов двадцать пять. Бывало и так. Но у них каждый за себя, а у испанцев один за всех и все за одного.

— Верно. Но давайте кончать ваш спор.

— А мы же и не спорили. Это мы вместе вредные тезисы Чернова гребали. Слушай, истребитель, — а ты на какой позиции, как насчет бомбардировщиков?

— Скажу... Как мне рисуется правильное развитие бомбардировочной авиации?..

— А ну, валяй, валяй, — оживился Сафар.

По мнению Грозы, важно было уменьшить «ножницы» в полетных свойствах бомбардировщиков и истребителей за счет улучшения первых. Чем меньше разница в этих свойствах, тем больше у бомбардировщика шансов на спасение, а может быть, и на победу. Это значит, что бомбардировщик должен быть возможно более легким. Два легких бомбардировщика могут в сумме поднять столько же бомб, сколько несет при дальнем рейде тяжелый корабль. Они без труда преодолеют расстояние, отделяющее их от цели. Но при этом неоспоримо преимущество легких бомбардировщиков перед большим кораблем. Освободившись от груза бомб, да еще и от половины веса горючего, бомбардировщик превратится в боеспособный сверхистребитель. Тут уж он не только может защищаться, но и активно нападать.

— Для этого прежде всего нужен меньший собственный вес. На наших красавцах это достигнуто применением сверхлегких сплавов магния и бериллия в комбинации с высоколегированными сталями — раз; установкой паротурбинных двигателей — два... Ты понимаешь, когда я еще амбалом был, — задумчиво и даже как-то мечтательно сказал Сафар, — крутом все говорили: «Пар — отжившее дело? Паровик — это прошлое. Внутреннее сгорание — вот где перспективы». Я тогда мало в таких вещах понимал, а потом как учиться стал, опять то же самое слышу: паровая машина — это древность, бензиновый мотор и дизель куда, мол, лучше. А вот теперь гляди-ка — старичок-паровичок опять пришел и мотору очко дает.

Гроза согласился:

— Мир еще варварски обращается с горючим. Моторы внутреннего сгорания, точно так же, как и наши паровые двигатели, это только отдаленный намек на то, чем будут пользоваться через десяток лет. Советская техника покажет пути... Вот мой младший братишка говорит, что инженеры должны будут поставить летчика в такие условия, чтобы полет со скоростью звука был физически возможен.

— Почему именно звука? — удивился Сафар.

— Однажды мальчуган говорит: «Военным самолетам совершенно необходимо летать со скоростью хотя бы триста тридцать три метра в секунду, не меньше». На мой вопрос, почему «триста тридцать три», говорит: «Скорость звука — триста тридцать два метра в секунду, значит — самолет, летящий хотя бы на один метр быстрее, будет доходить до тебя раньше, чем ты услышишь звук его приближения. Это очень важно для военной машины».

— До таких скоростей, порядка тысячи — тысячи двести километров, пожалуй, еще далеко.

— Ближе, чем мы думаем. В единичных машинах мы уже имеем скорость около девятисот километров. А это уж не так далеко от того, чтобы получить скорость звука на отрезке ближайших лет.

— Твоими устами да мед пить, — вставил Косых.

— А чем не мед на такой бы машине с фашистской сволочью подрататься...

— Будет драка, будешь и драться, — спокойно заметил Гроза. Сафар сверкнул глазами:

— Жалко, не я распоряжаюсь историей, а то уж драка была бы. Без драки Европу не привести в порядок. Отдам жизнь для того, чтобы все встало на место. Я готов.

— Не кипятись, Сафар... Как раз закипятишься, пойдешь в воздух, тебя и гробанут.

— Ты думаешь, я ишак? Я и сам сумею гробануть... Это лучшее, что у меня есть, — жизнь! Ведь это не только я сам, но и все мое потомство, понимаешь? Будущее целого рода. Жить хочу, понимаешь, но готов умереть. И когда я это сказал, когда я так решил, мне жизнь уже не дорога. Тогда о ней перестая думать.

— У нас на этот счет разные взгляды, — ответил Гроза. — Ты перестанешь думать о жизни, а я думаю. И я очень благодарен стране и ее вождям за то, что они о моей жизни тоже думают, берегут ее.

— С такими сухими мозгами, как у тебя, нельзя быть летчиком. Они у тебя сухие, совсем сухие, понимаешь?

— Ничего, получается, — усмехнулся Гроза, потрогав орден. — Ты скажи, разве я не имею права жить уже потому, что защищаю самое необыкновенное, самое удивительное, самое прекрасное, что когда-либо знала история, — СССР. Мне хочется жить, уже от одной гордости можно пожелать бессмертия, а ты — умереть! Подумай о своем народе, какого сына родила твоя земля — Кавказ! Разве сыны этой страны не имеют права на лучшую, самую прекрасную жизнь на земле, а?

Сафар хотел сказать свое, — горячее, из нутра, не нашел слов и, поспешно собрав тетрадки, ушел.

У него не хватило слов, не хватило умения ясно и логично изложить свои мысли. Они с Грозой едва не поссорились, хотя с разных концов подходили к одному и тому же: жизнь — лучшее, что у них есть, но и тот и другой, не колеблясь ни секунды, отдадут ее по первому зову родины.

Гроза тоже собрался было уходить, когда под окошком послышались тяжелые шаги.

Вернулся Сафар.

— Сандро, ты Канделаки знаешь?

Косых знал Канделаки, но хотелось спать, и, чтобы отделаться, он ответил:

— Нет.

— Жалко, Сандро. Канделаки — замечательный парень! Он тоже бывший амбал. Бакинец, понимаешь?

— Ты за этим и вернулся? Я спать хочу, Сафар.

— Какой ты сонливый, Сашо... А Канделаки мне, знаешь, что сказал?

— Иди спать, Сафар.

— Канделаки говорил: делай рекорд, Гиги. Рекорды нам нужны. Рекорды — значит люди рекордные, а рекордные люди, сам понимаешь, необходимы. Страна замечательная, рекорды должны быть тоже замечательные...